

ГОРОДСКАЯ ПРОЗА

Марина
Белкина

ЕСЛИ

Роман
об особенных людях
Магический реализм

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-33
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б43

Белкина Марина.

Б43 Если. / Марина Белкина – Москва: Издательство АСТ, 2025. – 352 с. – (Городская проза).

ISBN 978-5-17-178942-8

Когда обычные объяснения больше не работают, на сцену выходят они — люди, для которых каждый день становится испытанием, а кризис превращается в точку отсчета нового мира. В их жизни боль переплетается с чудом, страх — с надеждой. Автор погружает читателя в пространство, где современная проза, магический реализм и фэнтези сливаются, чтобы рассказать о самом главном — о смелости быть собой, даже если весь мир против. Эта книга для тех, кто ищет свет во тьме и верит: невозможное существует именно здесь, между строк.

УДК 821.161.1-33

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-178942-8

© Белкина М. текст, 2025

© ООО «Издательство АСТ», 2025

СОДЕРЖАНИЕ

Пролог 7

ЧАСТЬ I 11

ГЛАВА 1

А вы точно психолог? 13

ГЛАВА 2

Бриллиант 43

ГЛАВА 3

Арсений и Лунная девочка 89

ГЛАВА 4

Керосиновая лампа,
дирижабль и кривое зеркало 130

ЧАСТЬ II	173
ГЛАВА 5	
Канал связи для призраков и влюбленных.....	175
ГЛАВА 6	
Тюрьма	238
ГЛАВА 7	
Ночь цветения Белой розы, или заседание Клуба сдавших кровь в поддержку нового дирижабля	271
ГЛАВА 8	
Это про любовь.	328

БОЛЬШОЙ ГОРОД –
ЭТО МЕСТО, ГДЕ ТВОИ МЕЧТЫ
СБЫВАЮТСЯ У КОГО-ТО ЕЩЕ.
ВЕЛИКАЯ МУДРОСТЬ
СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ.

Пролог

Ваза с полевыми цветами, эффектно оттененная черными плотно задернутыми шторами, стояла на письменном столе. В окружении наваленных грудой бумаг и газет возвышалась пишущая машинка. На переднем плане, прямо перед клавишами, торчало яблоко с отгрызенным боком. В витых канделябрах плакали свечи, придавая бардаку на столе некую художественность. В свете свечей все выглядит по-другому. Предметы предстают в новом виде и даже качестве. Хотите изменить жизнь — зажигайте свечи и рубите сплеча! Но только, чур, потом не включать электричества. В глубине комнаты в постели полулежал человек и смотрел в стену. Свечи или электричество — человеку было все равно. Он был слепым. В углу, словно большая подарочная коробка, стояло радио, из динамика летел вальс из «Фауста». Красивая статная брюнетка покрутила ручку, сделав музыку тише, и присела на краешек постели.

— Ты уверен?

Она старалась говорить ровно, чтобы не было заметно, что по щекам текут слезы.

Он криво улыбнулся.

— Увидимся. Когда у меня будет корсет и чулки под шелковым платьем, а у тебя — золотые часы на цепочке.

— Через сто лет никто уже не будет носить часов на цепочке и корсетов.

— Кто знает? Ты будешь отличным парнем. И я смогу снова посмотреть в твои глаза.

Он протянул руку и кончиками пальцев пробежал по ее лицу — глазам, щеке, губам, подбородку. Она прильнула к нему, но он вскинул руку в запрещающем жесте.

— Не надо!

Она беззвучно плакала, закусив губу.

— Не надо плакать. Жизнь такая глупая штука, она не стоит твоих слез. Мне не будет больно. Я просто усну. Усну. И даже успею увидеть сон. Короткий, но все же... Сны восхитительны. Лучше, чем жизнь. Сохрани его, мой ненаписанный роман. И передай мне через сто лет.

— Как я буду без тебя? — прошептала она.

— Я буду рядом. В обрывках разговоров, которые принесет ветер. В звуках вальса, летящего из радиоприемника. В голубиных стаях, взметнувшихся над крышей. В неясном силуэте незнакомца, возникшем за поворотом. А потом я вернусь. Я дождусь тебя. Ты стоишь того, чтобы ждать сто лет. Увидимся.

В дрожащей белой руке мелькнул шприц. В комнате запахло спиртом. Она взяла бутылку и смочила вату, чтобы обработать место укола. Он подумал, что, учитывая предложенные обстоятельства, это забавно. А еще — о том, что морфий и вправду убивает. Это тоже было забавно, и он улыбнулся. Игла вошла в вену. Комната закружилась в вальсе из «Фауста», он закрыл глаза и уснул. С улыбкой на лице. Полевые цветы в вазе на подоконнике смешались в единое цветное пятно и потекли по щекам. Она вытерла слезы и обернулась. У стены стояла трость с набалдашником в виде черепа из белого золота. Вместо одной из глазниц — шестеренка, какие бывают внутри часового механизма, усыпанная бриллиантами. Поймав свет свечи, шестеренка блеснула в темноте, и глаз загорелся зловещим светом.

ЧАСТЬ I

Глава 1

А вы точно психолог?

Под зеркалом, на столике в прихожей, стояла спортивная сумка. Самая обычная, слегка потрепанная, с логотипом известной фирмы на боку, на десяток таких можно наткнуться в фитнес-клубе или тренажерном зале... Несколько минут Саша смотрел на сумку со вниманием, которого она совсем не заслуживала, потом возвел взгляд к потолку и уперся в соцветие безобразных разводов в верхнем углу прихожей. Пятно было похоже на кровоподтек, только желтого цвета. Соседи залили, квартира была съемная и уже досталась Саше в таком неприглядном виде. Он порефлексировал еще немного, разглядывая безобразный развод, стянул со столика связку ключей, и его взгляд снова прилип к спортивной сумке. Сумка манила его, словно желание, загаданное когда-то. Давно забытое и ненужное, но все же несбывшееся, отчего становилось немного грустно. Саша вздохнул и быстро вышел из квартиры, хлопнув дверью.

Сделал он это, видимо, не слишком аккуратно, потому что соседняя дверь тут же приоткрылась, выпуская на лестничную клетку старушку лет ста, в байковом халате, тапочках и детском ободке поверх стриженной седой головы, изрядно выцветшем на солнце и давно утратившим свой цвет. Был май, но ее поясницу окутывал пуховый платок.

— Добрый день, Клавдия Тихоновна, — поздоровался Саша, пытаясь справиться с заедающим замком.

Громыхание ключей, усиленное гулким эхом, разносилось по подъезду, и Саша почувствовал себя

Кентервильским привидением, которое гремит кандалами в старинном замке.

— Вы принимаете клиентов на дому, Александр, — констатировала Клавдия Тихоновна голосом государственного обвинителя, зачитывающего расстрельный приговор.

— Никак нет, Клавдия Тихоновна, это гости.

— Они ходят каждый час с десяти до восемнадцати по будням. И все как один хлопают дверью. А если вы принимаете клиентов на дому, создайте ИП и платите налоги государству! Поставьте в известность соответствующие органы. Иначе, — она сделала ударение на первый слог, — я буду вынуждена связаться с хозяином квартиры и довести до его сведения, что здесь происходит. Ходят целый день и дверью хлопают, — продолжала она свою обвинительную речь, но теперь Саше послышались в ней нотки обиды.

Бабушки, теплые и уютные, пекут невероятно вкусные пирожки, мажут зеленой наши стертые коленки, водят на музыку и на футбол. Стучат спицами и рассказывают историю своей жизни. Проходит время, мы оканчиваем школу, потом институт, погружаемся в работу, а они все лезут со своими дурацкими пирожками, в сто пятый раз рассказывают о своей жизни. Слишком упрямые, слишком обидчивые. С ними не считаются, не отвечают на их вопросы. Нам кажется, их слишком много, и они становятся маленькими. Главная проблема пожилого человека — разедающее душу чувство, что он никому ни черта не нужен.

Саша наконец справился с замком, сунул ключи в карман и улыбнулся Клавдии Тихоновне профессиональной улыбкой.

— Закрывать, но ничего не скрывать. У дверей такая планида. Например, из-под вашей двери вчера божественно пахло пирожками.

— Шарлоткой. — Старушка поджала губы. — Внук обещался зайти, но не смог. Учеба, работа. Дела...

Ее голос сорвался.

— Учиться и работать успевает, молодец! Клавдия Тихоновна, у вас прекрасный внук.

— Вообще, он парень хороший, — сдержанно кивнула Клавдия Тихоновна и посмотрела на Сашу с одобрением.

— И наверное, общается с друзьями? Иметь друзей — прекрасно. Признайтесь, что и вы в молодые годы собирались компанией на квартире. И, возможно, тоже — о ужас! — хлопали дверью.

Она потрясла головой, словно пытаясь избавиться от морока.

— В молодые годы у меня не было на это времени. — Она назидательно подняла вверх скрюченный артритом указательный палец. — Я работала по две смены на Метрострое.

— Хорошо, а после работы? У вас же, я не знаю, были выходные, праздники. Первомай, день строителя, наконец? А я, уж простите, Клавдия Тихоновна, так и вижу вас в кругу друзей. Кто-то заводит патефон, ставит пластинку... — Саша прикрыл глаза, раздумывая, а потом хитро улыбнулся: — Клавдии Шульженко!

— Но откуда... Как вы узнали? — Она коснулась рукой вздымающейся груди, словно Саша раскрыл имя того, на кого она гадала во время Святки.

— Двери, Клавдия Тихоновна, двери. Они ничего не скрывают...

— Вот раньше были певицы, не то что нынешние! — сказала она с воодушевлением. — Открывают рот под фонограмму. Безобразия! Я считаю, пой живьем, раз тебе доверили.

— Кстати, вы на нее невероятно похожи, вам, разумеется, говорили?